

САУЛЕ КАМДЫБАЕВА

ЗЕРКАЛО
В
СТАРИННОЙ
РАМЕ

Сауле Калдыбаева
Зеркало в старинной раме

«Издательские решения»

Калдыбаева С.

Зеркало в старинной раме / С. Калдыбаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935410-5

Висит ли на стене вашей квартиры говорящее зеркало, готовое из любви к вам на убийство? А может, вы встречали в торговом центре элегантную уборщицу в зеленых резиновых тапочках? Познакомьтесь с этими и многими другими персонажами новой книги Сауле Калдыбаевой. Волшебства продолжаются.

ISBN 978-5-44-935410-5

© Калдыбаева С.
© Издательские решения

Содержание

Первая часть	6
Утро	6
Снег	7
Рама	8
Рассказ зеркала	9
Счастье	10
Тонкая линия	11
Старик	12
За окном	13
Записка	14
Случай в купе	15
Кок-тобе	16
Ложе	17
Вторая часть	18
Граф с конюшней	18
Подруги	19
Глаза	21
Художник	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Зеркало в старинной раме

Сауле Калдыбаева

Книга посвящается моим любопытным подругам и девочкам из пионерских лагерей – тем, кто просил рассказать им что-нибудь интересное перед сном

© Сауле Калдыбаева, 2018

ISBN 978-5-4493-5410-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И когда тополя, посаженные неуверенными саженцами, перерастут большой дом, где жила худенькая девочка с острыми коленками, подойди к большому зеркалу – оно напомнит о бантиках и фантиках и о том, как эта девочка любила наряжаться в мамыны туфли и бусы, изображая великую актрису.

Первая часть

*Снег кружился и падал
на замерзшую землю.
Скоро весна.*

Утро

В комнату пробился солнечный свет.

– Доброе утро, – сказала бы зеркало, если б умело говорить, а говорить оно, как и любое другое зеркало, не умело.

– Вставай, вставай! – сказала бы оно. – Уже первый луч заглядывал, проверял, все ли как следует освещено.

Девушка потянулась, открыла один глаз, за ним другой, надела тапочки и пошла в ванную.

– Доброе утро! – улыбнулась она зеркалу.

И вот уже чайник необычной треугольной формы шумит на плите, вода в нем закипает быстрее из-за большей площади основания. На столе овсянка, мед из разнотравья, пара-тройка ломтиков сыра, нарезанный на дольки лимон и майское масло в серебряной масленке. Оно вкусное, почти как мороженое, а все из-за того, что травы в мае на лугах самые свежие и сочные, с витаминами для коров, а если хорошо коровам, хорошо и нам, любящим майское масло. Его девушке передали родственники из аула, у них коровы и немецкая маслобойка. «Йа-йа», – говорят в таких случаях немцы.

Впрочем, Айка коров видела всего два раза в жизни, она выросла в городе и однажды перепутала козу с овцой – это легко, если не знать, что у козы козья морда. Пока зеркало вспоминало козу, завтрак закончился, и серебряная масленка скрылась за дверцей холодильника.

Снег

Девушка подошла к платяному шкафу, достала из него жакет с юбкой и черные туфли с кокетливой перемычкой посередине подъема – все из демократичных магазинов ЛондОна, но сидят как влитые. Надела часы, подкрасилась и в зеркало – красиво. Не модель, и все же. И вот уже заученный ключом поворот в замочной скважине после гулко захлопнувшейся двери. Зеркало посмотрело на часы – 8:30, часы приветственно протикали в ответ. А в узком просвете между рамой и стеклом остался вырванный из блокнота белый листок с вписанными туда торопливым почерком строчками:

*Снег кружится,
Нежно
Заметая след,
Белым тонким кружесом
Шлет весне привет.*

Теперь он кружился и в зеркале.

Рама

– Пока, пока! – прошептало зеркало, вежливо дождавшись, пока упадет последняя снежинка. Потому что говорить оно все же умело, просто люди его не слышат, так же как не слышат собак, белок или звук тикающих часов. Рама у него серо-голубая, вырезанная из крепкого дуба, и даже пара небольших, образовавшихся от времени трещин ее ничуть не портят, а только придают шарм прямоугольному периметру. Как и легкая золотая дымка – такая же есть у ножек голубого дивана, это их с рамой роднит и создает... нет, мы не побоимся этого торжественного французского слова – ансамбль.

Раньше зеркало висело над туалетным столиком, и в нем кроме духов и помад отражалась жестяная коробка из-под конфет. Коробка эта называлась гордо – шкатулкой, и в нее складывались драгоценности: пропахшие шоколадом фантики, сережка без камня с дыркой посередине, пластмассовый хоккеист, мамина брошка, с десятков перламутровых пуговиц и колечко с драгоценным камешком. Камешек потом окажется обычным синим стеклом, ну и пусть. На том, что любят, ценники не стоят.

Потом зеркало повесили над голубым диваном в зале, и в нем стали отражаться часы и книжный шкаф, с верхней полки которого разглядывала пол надменная фарфоровая балерина в розовых пуантах, ей выделили почетное место между «Полным собранием живописи Леонардо да Винчи» и «Блистательным миром балета», так что она давно в шкафу освоилась.

Настолько, что успела позабыть, как здесь оказалась – в пыльной рекламной газете, какие пачками можно встретить в подъездах старых домов.

Рассказ зеркала

Я появилось здесь не новым, переодетым в раму, купленную в антикварной лавке на той тихой зеленой улице, где любят гулять заслуженные пенсионеры, дамы с собачками и «профессоры». Мама в раму влюбилась сразу, вот в такую – треснутую и замазанную краской цвет в цвет. В те времена каждый обставлял свое жилище как мог, а потому мама перекрасила старый бабушкин комод и поставила его на кухню вместо скучного кухонного стола.

– За границей ценят все непластиковое, а за натуральным люди выстраиваются в длинную очередь, – говорила мама и была права. – Попробуй сейчас найти настоящий деревянный голубой комод.

Когда-то за зеркало из Венеции, откуда я (и ни капельки в этом не сомневаюсь) родом, какой-нибудь король запросто мог отдать полцарства. Вторые полцарства он мог сгоряча отдать за коня, но о коне я судить не берусь, возможно, что и он того стоил.

Зеркало посмотрело на фотографию девушки:

– Твои далекие предки, должно быть, прибыли в этот город из тех же мест – оттуда, где много солнца и больше любят рыб, а не коней. Ну или на худой конец из Флоренции, – откашлялось зеркало, покосившись на голову деревянного коня. – Ведь никто еще не посвящал мне таких чудесных стихов и не проводил по этой раме рукой так, как умеешь проводить только ты. А если бы тебе пришлось выстоять за мной очередь длиной в экватор, ты бы в ней выстояла, ты бы меня дождалась... я знаю.

Часам на секунду показалось, что зеркало смахнуло две прозрачные слезинки, но только на секунду – ведь любой первоклассник знает, что зеркала не плачут.

– Эх, родина! – печально вздохнуло зеркало. Оно не знало значения этого звучного слова, но иногда, когда ему было особенно грустно, оно родину вспоминало, потому что слышало, что это что-то хорошее, такое, чего нельзя увидеть или хотя бы отразить. – Твоя мама иногда приходит ко мне в моих снах, – продолжило оно, – такая же красивая и статная, чтобы узнать, как поживает цветочный чайник Gien и твое шелковое платье со стрекозами. «А она теплая?» – спросила она недавно про купленную на распродаже байковую пижаму, но я ничего не ответило. Я ведь сделано из толстого стекла и не знаю, что чувствуют люди, когда им тепло.

Мама мечтала, чтобы жизнь носила тебя на руках – бережно-бережно несла всю дорогу и никогда не уронила. Чтобы на голубом диване были вышитые райскими птицами подушки, облокотившись на них удобней нанизывать на вилку кусочки сочной дыни из серебряной чаши – так любили возлежать сказочные перы в шелковых одеяниях, таких тонких и прозрачных, что под ними автору книги про перы было все видно. Он был восточный мужчина и любил описывать изящно выгнутые ножки резного стола и веера из тончайшей папирусной бумаги – ими обмахиваются старинные юные девушки, смеются и вкушают, потому что в таком антураже можно только вкушать, а не есть. И думать о принцах на белых арабских скакунах, перебирая виноград тонкими пальцами рук.

Счастье

– Как жаль, что я не могу путешествовать! – воскликнуло зеркало, вспомнив о загорелых гондольерах Венеции. – А ведь как было бы чудесно прокатиться в гондоле первого класса или на собственной яхте какого-нибудь магната из списка Forbes!.. Ах.

То есть говорить оно по-прежнему не умело, зато могло еле слышно дребезжать, как это делают стекла в окнах домов вслед проезжающему трамваю. Впрочем, трамваю это решительно все равно – если он начнет прислушиваться ко всем проезжаемым окнам, то некому будет перевозить достойнейших граждан нашего пропахшего яблоками города.

Да, зеркало любило помечтать. Ему ведь ничего другого и не оставалось: если висишь целыми днями на стене без перерывов на обед, остается только прислониться к столику датской принцессы, отражая бесконечные пудры и флаконы... или влететь в распахнутое окно старинного дворца трепетной бабочкой. Надо отметить, зеркало имело одну маленькую слабость, которая, впрочем, не причиняла никому вреда. Оно любило представлять себя в жизни коронованных особ, подчеркивая тем самым свою значимость и аристократическое происхождение, что логично, если твоя рама куплена в антикварном магазине, наверняка за этим обстоятельством кроется какая-нибудь красивая история не без оттенка хотя бы малюсенького трагизма. Что делать, не проживешь – не наполнишься.

Однажды во время переезда ему посчастливилось повисеть немного на улице возле подъезда, прикрепленным задней цепочкой к борту перевозившей домашнюю утварь машины. Мимо проходили люди, те, что понаряднее, останавливались, чтобы полюбоваться своим отражением:

– Неплохо, но надо постройнеть.

И только одетые в привычное темно-коричневое проходили не останавливаясь. Кто знает почему, может, пальто красивое не нашли.

Больше всех зеркалу запомнилась бабушка в украшенном нарядными лошадьми платке Hermes и собака, вставшая на задние лапы, чтоб получше рассмотреть породистую морду. Еще была скромная девушка – пока рабочие доедали последний бутерброд, она сделала украдкой селфи на фоне кованой лестницы. Дома у нее некрасиво и старый проваленный диван.

– «Роль и историческое значение зеркала в жизни любого человека, включая собаку» – если когда-нибудь доведется лететь первым классом на всемирный слет зеркал, то можно будет выступить с расширенным докладом из материалов одного этого уличного приключения, – решило зеркало, внимательно вглядываясь в лица прохожих, чтобы не упустить в научных целях ни одну важную деталь.

Мимо все так же торопились люди, зеркало висело и раскачивалось в такт разгружаемым вещам, а из окон больницы напротив за улицей наблюдал мальчик. Ему запрещалось выходить на свежий воздух, вместо этого предлагалось дышать лежалым воздухом больничной палаты с вымытым хлоркой линолеумом на полу.

«Какие счастливые эти люди в пальто! – думал мальчик, наблюдая за прохожими. – Любой может зайти в теплую кондитерскую на углу, купить там булочку и пойти домой...»

На этом месте мальчика позвала медсестра, она пришла сделать ему очередной полезный укол.

Тонкая линия

Первую морщинку девушка увидела однажды, когда часы на стене простукали 18 лет от ее рождения. Эту робкую тонкую линию под одним глазом, потому что под другим ее не было видно. Ее она рассматривала по-всякому: лежа на диване, за чисткой зубов утром в ванной и в лупу за папиным письменным столом. Здравствуй, старость. Это о ней вздыхала случайная попутчица в поезде.

– Морщины не появятся медленно и постепенно, они нагрянут сразу, в одно утро, – выдохнула она, сжав тонкие губы, как перед схваткой в бою. И продолжила загробным басом:

– Вот так проснешься, встанешь перед зеркалом, а там мэссаған¹ – «здравствуйте, я ваша тетя!»... После сорока, даже если перед сном выпьешь не брют, а полезный кефир, то утром все равно будешь выглядеть так, будто всю ночь пила брют.

Девушке эти интонаций показались знакомыми, с такими же выговаривала по утрам соседка своему восьмилетнему сыну: «Вот скажи мне, пожалуйста, ну почему?! Почему утром я провожаю тебя в школу как артиста, а вечером встречаю как шахтера: рубашка помята, ремень на боку и волосы торчком!»

– Это, наверное, обидно? – распереживалась Айка за артиста.

– Конечно, обидно, а куда денешься? – возмутилась попутчица. – Еще хорошо серым мышкам, на них и так никто не заглядывается, а каково нам, красавицам? Стареть отвратительно, и не о чем тут спорить.

Уголки ее губ разжались и опустились вниз.

Спорить тут и правда не о чем.

¹ На тебе!

Старик

Поезд продолжал отбивать колесами свой тук-тук, за окном мелькал монотонный пейзаж с польнейю и пожелтевшей травой, а девушка вспомнила того старика с выгоревшими, как степь, глазами.

«Рюмочная» – ей всегда казалось, это симпатично, это стройный ряд хрустальных рюмок из детства, бережно хранящихся за стеклом буфета.

Она прошла как-то мимо приоткрытой двери: за ламинатным столом со сбитыми углами сидел сгорбленный старик на табуретке и пил водку из стакана. Одиночество боится зеркал.

*Зеркало – это дождь
Снайпером по стеклу,
Это когда придешь
И вступишь в пустоту,
Когда захочешь тепла,
А время его отберет.
Все потому что – пора.
Теперь не тебе везет.*

За окном

– Хорошо, что есть заморские тряпочки из немецкого магазина, я от них лучше блещу, пусть даже на улице идет дождь, – зеркало затуманилось, изображая туман во время дождя.

Часы насмешливо тикнули:

– Вы бы еще гром и молнию вспомнили в придачу. От таких страстей и стуж любое самое крепкое дерево облетит, оставив голые сучья, раз все равно придет зима. К чему вспоминать непогоду, спрашивается? Надо жить настоящей минутой, как эта быстрая птица за окном. Или как подувший легкий ветерок, он-то знает: второго шанса так неосмотрительно подуть у него может не быть. Мало ли что случится в следующую секунду – окно перед носом запахнет или дорогу перелетит кирпич, так что напрочь забудешь, куда дул и откуда. Надо жить сегодняшним отражением, дождь ведь у нас разрешения не спросит – когда захочет, тогда и прольется. Тик-так, тик-так.

Зеркало сделало вид, что не слышало глупого тиканья, оно вообще старалось не смотреть на часы – пусть скажут спасибо, что имеют честь отражаться в старинном глубоком зеркале в дорогой оправе. Да и то сказать, что могут знать о жизни две железные стрелки на деревянной коробке?

И оно решилось сделать важное программное заявление, оно давно собиралось его сделать при удобном случае, так что и вы послушайте:

– Уважаемые часы, хуже вашего отражения может быть оно же, но пару лет спустя. Впрочем, дело, безусловно, не в вашей деревянной коробке. Зачем вспоминать дождь, вы спрашиваете? Ну, к примеру, чтобы не разучиться ждать, когда выйдет солнце из-за туч. Мне тут перепутавшая окно ласточка недавно рассказала историю молодого парня. Он из своей промозглой и слякотной страны переехал жить на остров в океане – подальше от прогнозов дождя и снега. Там, вдали от континентальных ветров, было все, что хоть кому угодно: падающие с пальм кокосы, солнце все дни в году, разноцветные рыбки и чудесный открыточный закат.

«А жизни нет, – с тоской говорил он. И мечтал вернуться в свою суровую, забитую осенними лужами страну, чтобы походить по первому снегу и пробившейся сквозь февраль зеленой траве, когда он сойдет.

– Кто не хочет быть там, где его сейчас нет!..»

Я имею в виду слова того парня в океане, – уточнило на всякий случай зеркало для часов. И, заметив скептическое выражение на циферблате, не очень вежливо добавило:

– Даже если кое-кто родился домашними тапками, то не может всю жизнь делать вид, что мир состоит из одного дубового паркета в городской квартире. К тому же после дождя вершины гор белее, пусть только пыль осядет. Хотя вам, стрелкам, не понять, стучите себе без разбору, как дождь по крыше.

Лучше взгляните на эти прекрасные туфельки в прихожей.

И пусть

Парят снежинки за окном,

Я снег люблю —

За ожиданье встреч с весной.

За тайный смысл

И хрупкость с чистотой.

За то, что после

Буду слушать дождь

И гром с грозой.

Записка

Айка кое-что знала о пустоте – она прозвенела в их квартире три года назад, когда не стало родителей. Незадолго до этого они звали ее с собой по турпутевке с заездом в Ниццу, Венецию, Флоренцию и Верону, но Айка уже собралась с подругами в летний лагерь, там их должны были научить разжигать костер, добывать чистую воду из грязной и ориентироваться по сторонам света в джунглях. Пока Айка добывала огонь, папа с мамой заселялись в отель Венеции со старинными фресками на стенах и благородно треснувшей штукатуркой. Из той поездки мама привезла в подарок стеклянную брошку – стеклодув острова Мурано сделал ее у мамы на глазах.

Ничего, Айка туда еще обязательно съездит – походить папиными и мамиными маршрутами и увидеть балкон Джульетты. Она выйдет на него и бросит ждущему ее внизу самому лучшему парню записку – там будет всего три слова. Зато каких.

Случай в купе

Мне тут зеркало из вагона поезда рассказывало про парня в купе – он каждые десять минут заглядывал в него, чтобы поправить прическу. Господи, как же всем надоела его озабоченная физиономия.

Кок-тобе

Часы ходили свое обычное тик-так. Но иногда эти нежные, еле слышные постукивания звучали как предупреждающие донн-донн, и это случалось, когда девушка тратила минуты на болтовню с подругами или часами мерила одежду, а наряжаться она любила. На что еще можно потратить время, если его и так много? На изучение прыща, выскочившего на лбу.

– Когда станешь старенькой, вспомнишь, как бездарно потратила сто тысяч миллионов минут, рисуя то один глупый глаз, то второй, – вздохнули часы. – «Не думай о секундах свысока» правильно пел дедушка Кобзон по радио, мне о нем еще твоя бабушка рассказывала.

– Аха, – возражала Айка. – Через горы прожитых лет я уже научусь управлять персональным самолетом, прозрачным, как кабина канатной дороги на Кок-тобе². Я в ней буду сидеть важной кралей в кожаной куртке, главное, чтобы не было целлюлита на задней стороне крутого бедра, хотя не думаю, что меня это будет все еще беспокоить. Старость должна быть яркой, как апофеоз, – решила девушка окончательно и пририсовала летящей над тянь-шаньскими елями бабушке белый парашют за спиной.

– Жизнь моя, иль ты приснилась мне, – вздохнет эта бабушка, пролетая над гнездом кукушки. И добавит словами того же фильма про гнездо:

– Ну я хотя бы попробовала.

Часы продолжали нервно тикать, как будто их кто-то спрашивает.

² Гора, расположенная в непосредственной близости от Алматы, переводится как «Зеленый холм».

Ложе

«Я узнаю, что состарилась, когда начну считать цветы в подаренных мне букетах, – подумала девушка. – Ведь когда любят, их дарят миллион. И обсыпают ими какое-то ложе: «Лепестками алых роз твоё ложе застелюю!» Так, наверное, и сделал тот парень в цветочном магазине: он приехал к концу рабочего дня забрать мешок розовых лепестков, они вечером, говорят, намного дешевле.

Вторая часть

Граф с конюшней

Подруга пригласила Айку отметить день рождения в модном клубе. Там среди множества танцующих и беззаботных людей выделялся крепкий парень выше среднего ростом – у него была особенная посадка головы, он был в костюме и пил коньяк у барной стойки с друзьями. Такой хорошо смотрелся бы на фоне интерьеров банков, инвестиционных компаний или переговорных комнат.

– Чистый граф, – отметила его уверенную спину подруга.

– Со своей конюшней, – засмеялась другая.

– И глаза с улыбкой тоже из дворца, – добавила Айка и отвернулась, а он в ответ пригласил ее на медленный танец, достаточно медленный, чтобы вдохнуть и выдохнуть: «Ах».

Вернувшись домой, она еще пару минут (часы засекали) покружилась по комнате, выпила кефир и состроила зеркалу мину, вспомнив, как прищемила дверцей такси платье, и «графу» пришлось открыть и закрыть дверцу снова. Потом посмотрела недоверчиво на свое отражение в зеркале, повернулась в профиль, чтобы лучше разглядеть горбинку на носу, вздохнула, вспомнила Его глаза и легла спать.

Теперь не только зеркалу, но даже голове деревянного коня на шкафу стало понятно: глаза того парня похожи на теплое бархатное одеяло-корпеше³, оно лежит сейчас на голубом диване в зале.

³ Казахское лоскутное одеяло ручной работы.

Подруги

До десяти лет она дружила со всем двором и с девочками из класса. Одна из них утверждала, что все мальчики, ухаживающие за Айкой, плохо учатся. Айка ей не отвечала, не знала даже, что ответить. Когда ее пригласил в кафе-мороженое одноклассник, та девочка всем рассказала, что этот мальчик на самом деле приглашал ее – он передал на первую парту записку, а Айка записку перехватила и нагло пошла есть мороженое вместо той умненькой девочки. Пришлось записку заново перечитать – в ней было:

«Айкена, разреши пригласить тебя завтра, 7 мая, в кафе есть мороженое. Я тебя очень люблю. Твой Вадик».

То, что Вадик нравится Айка, знал уже весь класс – слишком густо он краснел и отворачивался, когда она проходила мимо. Вадик ей нравился тоже, как друг он был хороший и часто носил после школы ее портфель.

– Ну я пойду, – говорил он напоследок, не дойдя несколько шагов до подъезда и ковыряя носком ботинка старый асфальт.

Еще была девочка из летнего лагеря – почему-то всех Айкиных подруг звали на букву «А». Три Асели, одна Айнур и вот теперь интеллигентная девочка Айнаш – когда Айка будила ее на утреннюю зарядку, та вежливо переспрашивала с еще закрытыми глазами:

– Разве? Ты уверена, что нам надо делать зарядку?

Айка любила потом приходиться к ней в гости – у подруги в зале стояло немецкое пианино, а на полу лежал голубой ковер, и больше ничего – ни стенки, ни книжных полок, только шторы на окне. Зато ковер был огромный, три на четыре метра, и под ним был красивый дубовый паркет, выложенный елочкой, – это был добротный «совминовский» дом, прохладный летом и теплый зимой, с большой кухней и тремя отдельными комнатами. Когда через год родители Айнаш купили в зал диван и два комода с буфетом, ковер как-то сразу потускнел и потерялся, воздуха в комнате стало меньше, и Айка решила, что, когда вырастет, обязательно купит голубой ковер. Через много лет она раздала родственникам почти все вещи и мебель, напоминающие ей о счастливых временах, когда папа с мамой были рядом, купила, как и обещала, голубой ковер и обтянула диван новым бархатом. Оставила только гипюровые занавески на окнах, старинное зеркало, коврики ручной работы, привезенные мамой из поездок и путешествий в Восточную Азию, и льняные бельгийские скатерти – мама купила их в антикварном магазине маленького города Брюгге, он находится недалеко от Брюсселя, и такие магазинчики там есть на каждом углу.

А через много лет, когда у Айки была командировка в Лондоне, Айнаш приехала к ней в гости – она училась в лондонском пригороде и, как и многие студенты, подрабатывала по вечерам официанткой, чтобы заработать на карманные расходы. Они поехали в субботу на блошинный рынок, и Айка влюбилась там в серебряную масленку с таинственным вензелем «АА» сбоку. Она несколько раз прошла мимо, стараясь на масленку не смотреть, а больше разглядывать ложки и старинные рамки для фотографий – их можно узнать по выпуклому стеклу, сейчас такие не делают.

В какой-то момент подруги пропали друг у друга из виду – рядов много, легко потеряться.

– Ты где? – спросила Айка по сотке.

– Уже расплачиваюсь, – ответила подруга откуда-то совсем близко. Айка посмотрела через двух женщин направо – там стояла Айнаш со знакомой масленкой в одной руке и двумя купюрами по пятьдесят евро в другой.

– Что ты делаешь? – удивилась Айка.

– Масленку покупаю! – подруга положила трофей в бумажный пакет из Starbucks, протянутый продавцом, и торжественно вложила его в Айкину руку.

– Мне?! Тебе же за нее месяц подносы таскать придется!

– Ну что ты! Во-первых, я торгуюсь, как бог, продавец еще и довольный – смотри, как он нам машет, во-вторых, ты недооцениваешь мою зарплату. А в-третьих, я буду рада, если у моей подруги будет масленка какого-нибудь английского аристократа!

И она обняла Айку – как в тот день, когда не стало родителей. Тогда было много людей вокруг, кто-то плакал, кто-то молча вытирал слезы. И каждый подходил, чтобы пожать руку и обнять – все по-разному. Кто-то обнимал быстро и коротко, чтобы уступить место другому, идущему следом, кто-то долго и внимательно – как подруга сейчас. Айка достала из пакета масленку и бережно ее погладила.

Глаза

Они бывают плоскими, в такие можно удариться с разбегу, как о бетонную стену. Бамммс.

Еще бывают глаза «цвета лягушки во время дождя» – так сказал один Айкин знакомый. Он, конечно, был рыжий, потому что сравнить глаза понравившейся девушки с зеленой лягушкой было смело даже для его волос цвета огненного дракона. Если бы он сравнил их с росой на траве, это было бы куда романтичнее. Где этот парень сейчас, не известно никому, даже автору этой книги. Возможно, колесит по миру с мастер-классами «После этого она тебя не забудет».

А еще был официант в ресторане лондонского отеля: он принес овсянку с яичницей на подносе, а потом откинулся весом всей своей 190-сантиметровой фигуры на одну ногу, сложил перед собой руки с чувственными пальцами (кажется, так пишут в старых нервных романах) и, наклонив голову вбок, произнес:

– Your eyes like a deep sea,⁴ – и нарисовал указательным пальцем море на потолке.

Люди, сидящие за завтраками в ресторанах, хоть и делают вид, что нет ничего в мире значительнее sausages⁵ и porridges⁶, все же держат открытыми уши, включая ту застывшую от ботокса особу с баночкой апельсинового джема в руке. Она посмотрела сначала на потолок, потом на девушку с морским дном вместо глаз – не каждый день такие встретишь.

В том бутиковом отеле (так их называют, если они в меру маленькие и камерные), где жила Айка во время командировки в Лондоне, все оправдывало название – холл при входе, номер с окнами на таунхаусы и такой же продуманный ресторан на первом этаже. В паре кварталов от отеля располагались знаменитые Harrods с Selfridges⁷, и потому люди под окнами проходили солидные, иногда с белой камелией Chanel на черном пакете.

Однажды к Айке на улице подошел марокканец и достал скатерть из большой сумки, висящей на плече. Скатерть была льняная, аккуратно простроченная белыми нитками, с мережкой и салфетками в придачу – ручная работа и недорого. Когда девушка досчитала салфетки до двенадцати, марокканец с упреком отвернулся:

– I'm a serious man, madam⁸.

Она вспомнила о нем пару лет спустя, когда проходила паспортный контроль в аэропорту Лос-Анджелеса. Пограничник на выходе отобрал пятнадцать человек, в числе которых оказалась Айка, и предложил группе «счастливчиков» пройти дополнительный контроль. Нарядная женщина из группы посмотрела растерянно на Айку, ища сочувствия, и возмущенно произнесла:

– It's terrible! I don't understand why they do it with us!⁹

«Ай'м э сириуз вумен»¹⁰, – вспомнила Айка. Рядом уже размахивали руками и боялись опоздать на рейс две громкие испанки – не нужно знать язык, чтобы понять энергию жестов. Та, что помоложе, летела из Валенсии, другая из Мексики. Всю группу вместе – состоящую из индусов, китайцев, испанок, афроамериканцев, одной казашки и двух возможных англичан, – провели в проверочный отсек, занавешенный плотными серыми шторами:

⁴ Ваши глаза похожи на глубокое море.

⁵ Сосиски.

⁶ Овсяные каши.

⁷ Крупнейшие лондонские универмаги.

⁸ Я серьезный человек, мадам.

⁹ Это ужасно! Я не понимаю, почему они себе такое позволяют с нами!

¹⁰ Я серьезная женщина.

– What a big family!¹¹ – пошутил офицер, окинув зорким внимательным взглядом непохожих друг на друга людей.

– Beautiful eyes¹², – добавил он, возвращая Айке паспорт, и улыбнулся.

¹¹ Какая большая семья!

¹² Красивые глаза.

Художник

Тот официант из отеля был на самом деле художником – он предложил Айке нарисовать портрет в студии, «это недалеко, вы увидите». Студия оказалась двухэтажным таунхаусом с окнами на Гайд-парк в двадцати минутах ходьбы от отеля: на первом этаже кухня и мастерская с расставленными вдоль стен холстами, а на втором – две небольшие спальни.

– Одна – моя, другая – родителей, когда они приезжают ко мне в гости, – пояснил Себастьян во время небольшой экскурсии по дому.

Его папа был владельцем сети отелей и ресторанов в Милане, в одном из которых он пару лет подрабатывал барменом – учился делать разноцветные коктейли из ликеров: красные, зеленые, синие.

– Я тогда был похож на смесь алхимика с художником. Много экспериментировал с цветами, даже не знаю, чего во мне больше: папиных генов администратора или, откуда ни возьми, таланта художника. В нашем роду творческих людей никогда не было, ни одного артиста или писателя, представь себе. Так что папа, ожидаемо, не обрадовался. Но что делать – я уже подал заявление в Королевскую академию художеств и мне уже прислали приглашение. И вот я здесь – работаю и учусь.

– Родители тебя так сразу и отпустили? – спросила Айка. – В такую даль...

– Да, – поспешил ответить Себастьян и запнулся: – То есть, конечно, отговаривали. Я тогда и сам в себе сомневался: лучшие художники исторически голодали, а если ты единственный наследник отелей ресторанов, голодать как-то плохо получается. В общем, я написал письмо в Royal Academy¹³: так и так, извините, я, похоже, передумал.

Тогда оттуда пришло письмо, знаешь кому? Папе, представь себе. В том не самом вежливом в мире письме родителю пеняли на то, что искусство может потерять великого художника, если я не передумаю, и что мы там все с дуба рухнули. Что-то типа того. «Надеюсь, мы с вами оба понимаем, – писал президент академии, – что талант даруется Богом?» И продолжал дарить отцу одно за другим новые открытия, когда узнавать и не догадываться, насколько прекрасен твой собственный сын, становится неожиданно приятно: «Ваш сын создан для искусства, он умеет видеть вещи под другим углом, отличным от того, какими их привыкли видеть обычные люди».

И папа отступил, вернее, приехал на церемонию поступления и купил в честь моего будущего в искусстве этот таунхаус. Да, мои родители богаты, что делать. Мама сюда часто приезжает, папа реже – дела. Впрочем, чем больше я здесь живу, тем чаще понимаю, что, скорее всего, буду заниматься и тем и другим.

Почему нет? Мир не должен потерять двух гениев в одном лице, и, в конце концов, эти две профессии можно сочетать. Устройство вещей так парадоксально, что в одном человеке вполне могут ужиться серьезный антиквар и начальник продуктовой базы.

– А я пишу стихи, – призналась Айка, чтобы не молчать, когда Себастьян нанес карандашом первые наброски на холсте. – Но, по правде сказать, не все друзья их понимают, иногда даже спрашивают, о чем они, представляешь, как будто я на тарабарском пишу.

– Мне это знакомо, – засмеялся Себастьян, – картины тоже не все понимают, иногда их нужно объяснять. Хотя, как, например, объяснить музыку? Или доказать право яблока быть на этом боку желтым, а на том – зеленым? Я ведь не реалист и не вырисовываю каждую деталь, мои картины меньше всего напоминают фотографии, а люди в основной своей массе предпочитают достоверность: им, чтобы увидеть лес, нужны деревья. Знаешь, что говорят японцы? «Художник – тот, кто увидел».

¹³ Королевская академия

– Уважаю японцев, – подтвердила Айка. – А это кто? – она показала рукой в сторону большой картины в дальнем углу: на ней стоял на коленях старик с завязанными за спиной руками, а между ним и уходящей далью растворялся в песке чей-то исчезающий след.

– Знаешь, я проголодался, ты не против пообедать?

– Я – нет, – ответила Айка, – но ты же расскажешь?

– Расскажу, – пообещал он.

Они зашли в кафе неподалеку. Себастьян заказал стейк с запеченным картофелем и спаржей, Айка – форель на гриле. Принесли воду в графине и калифорнийский «Совиньон Блан» – выбор будущего ресторатора. Когда дошла очередь до чая с лимоном, Себастьян, почти ничего до этой минуты не обронивший, кроме «ну и как наша форель», вдруг стал рассказывать, торопливо, будто боясь сбиться с намеченного пути:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.